

63.3 (2Р36-4КУР)

п 55

100000

марафонский поэтический
конкурс «Большой Фонд»

от составителей

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Курганская областная библиотека им.
А. К. Юргола

Книгохранилище

002К

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова

Составители: А.И.Букреев, В.А.Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества Зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

**Регина
Бухольц
(Булушева)**

В ЭВАКУАЦИИ

Мне было 13 лет, когда началась война, и застала она меня в пионерском лагере в поселке Толмачево под Ленинградом. Запомнилось, что после известия о начале войны мы еще несколько дней жили обычной лагерной жизнью. Но однажды за обедом пионервожатый сказал: «Не оставляйте хлеб на столах, скоро за кусок хлеба будут крепдешиновые платья отдавать». Меня это поразило.

Из пионерского лагеря меня забрала мама. Мы въезжали в притихший город на грузовике. Чувствовались тревога и напряжение в людях, окна крест-накрест были заклеены бумагой. Приехали домой на Тверскую улицу (это около Смольного), там жили еще бабушка, дедушка и тетя Ольга Викторовна Комарова.

Немцы были на подходе. Началась уже эвакуация к Уралу, за Урал, в Сибирь. Мама не знала, что делать. Отец мой в 1938 году был репрессирован: 58 статья, 10 лет без права переписки. Тогда мама еще не знала, что это конец – статья-то была расстрельная. Теперь лежит у меня тоненький листик бумаги о полной реабилитации отца за отсутствием состава преступления, но человека-то нет: расстрелян был в возрасте 36 лет, умница и красавец, инженер. Закончил политехнический институт, там же преподавал, потом работал по созда-

нию Горьковского автозавода, а оттуда с повышением был переведен в Москву в НАТИ (научно-автотранспортный институт) техническим директором – так тогда назывались главные инженеры. И, как потом рассказывала мама, когда кругом уже стали «братья», отец отправил нас – маму, меня и братика двух лет к маминым родителям в Ленинград. Когда за ним пришли, он был один, и, наверно, поэтому нас не тронули.

Ожидая ареста, он написал маме большое письмо, где лейтмотивом были слова «береги детей». Чему мама следовала всю жизнь.

Мама в возрасте 32 лет осталась с двумя детьми десяти и двух лет, жена «врага народа», с немецкой фамилией. И немцы наступают. Конечно, о пенсии детям или материальной помощи речи не было. И вот, помню, приезжает мамин брат Комаров Борис Викторович и говорит: «Натка, наш завод «Большевик» эвакуируют в Челябинскую область, поезжай с моей семьей, все-таки вам там вместе легче будет, а я пока не могу, должен остаться».

Так мы оказались с семьями работников завода «Большевик» на вокзале в теплушках, дедушка поехал с нами, а бабушка и тетя-студентка оставались почему-то несколько дней в Питере. Мы уехали в последних числах августа 1941 года, а они несколько дней просидели в поезде в ожидании эвакуации, но 8 сентября немцы заняли железнодорожный узел Мга, и кольцо блокады захлопнулось. Из этих поездов все отправились по домам. В блокаду бабушка умерла от голода, а тете удалось по Ладоге эвакуироваться в Саратов.

А мы ехали в поезде, боясь бомбёжек. Выглядывая из дверей теплушек, мы видели воронки от бомб и мертвые тела. Нашему эшелону удалось проскочить, нас не бомбили. Приехали в Челябинскую область и оказались в какой-то деревне, там нас разместили по домам крестьян и вскоре дали в руки деревянные заступы и

послали копать картошку. Мамы копали, а мы собирали.

Тут выяснилось, что в этой деревне только четырехклассная школа, а мне и двоюродному брату надо было в седьмой класс. Мы на подводах переехали в Сладчанку, где в помещении церкви была семилетка.

Жили мы сначала на квартире у колхозницы на краю деревни, а семья дяди в другом доме. Сразу стали работать в колхозе, сначала убирать кок-сагыз, картошку, турнепс – его мы чистили и ели тут же, казалось вкусно.

Первая осень и зима в эвакуации были для моей семьи очень трудные: мама боялась поднять голову и напомнить о нашем существовании, денег ни копейки, только у дедушки-учителя была пенсия 28 рублей. Поэтому мама меняла кое-что из белья на продукты, помню, только за одну простыню давали 60 литров молока. Но и менять-то было особенно нечего, так как все говорили, что уезжаем только до зимы, война скоро кончится.

У меня были подружки Мурзина Галя и Грязных, помоему, Зина, она была чуть старше. Помню, ее бабушка или мама всегда угождали меня горячим белым хлебом и шаньгами с картошкой, о чудо! В общем, население относились неплохо, хотя у самих были трудности – все забирали на фронт. У председателя колхоза было семья детей. Как он старался что-то сделать и помочь! Когда его взяли на фронт, все плакали. Взяли еще учителя математики, который только что женился на хорошенькой учительнице Осетровой. И остались работать женщины и подростки.

Однажды пошли на базарчик, смотрю, лежат белые блины на прилавках. Спрашиваю маму: «Что это такое?» Оказывается, так продавалось замороженное молоко. И еще меня поразило, что в сарае у кого-то из соседей висели чуть не до пола мешки с пельменями. Себе мы

пельмени позволить не могли, иногда нас кто-нибудь угощал.

Весной 1942 года всем эвакуированным дали по 2 сотки земли под картошку, а сажать было нечем. Те женщины, что получали аттестаты от военных мужей или помощь родственников, покупали картофель на посадку. А у нас денег не было. Кто-то сказал, что сажать можно не целую картофелину, а «глазками». Мама купила ведро простой картошки (помню, фиолетово-красной), и мы с ней резали картофелины так, чтобы глазок был в каждой частичке.

Колхозницы посмеивались над нами, мы были в смущении, в нерешительности, но выхода не было. Каково же было удивление и радость, когда на наших двух сотках выросло много картошки, не хуже, чем у колхозниц. И колхозники удивлялись и радовались за нас. С картошкой жизнь уже стала легче. В колхозе на трудодни платили гроши, иногда давали муку или какую-нибудь крупу. Помню, пала лошадь, нам дали голову, мама очень обрадовалась, но не помню, что с ней делали. Проблемой были спички, соль. Рано утром хозяйки ходили друг к другу за угольком, чтобы печку растопить, и делились закваской для теста на хлеб. Как исхитрялись с солью – не помню. На огородике выращивали овощи. Но очень тяжелой была работа в колхозе. Моя мама – музыкантша с язвой желудка работала везде, куда посыпали. Помню, мама плакала не раз после работы на триере, это как большущая мясорубка, и две женщины зачерпывали зерно и поднимали ведрами наверх, засыпали в триер, а две крутили тяжеленную ручку.

А мы, подростки, были на прополке зерновых. Выстраивались в ряд несколько человек, надевали на руку варежку или просто наматывали тряпку, рвали осот, ватильки и т.д. Жара, слепни, я, конечно, всегда отставала от местных, и надо мной не всегда добродушно посмеивались. Но самое ужасное – это вязание снопов.

Вот уж наплакалась я. Спину ломит, руки все искалопты, жарища...

Получить в колхозе подводу с лошадью было очень сложно. Если надо было съездить в Мехонку или за дровами, всегда старались дать быка. Это целая эпопея ужаса, так как бык не желал слушать интеллигентное «но, пошел». Бык был приучен к матерной речи, что совершенно не умели делать моя мама и жена дяди Бори. Дело кончалось слезами, и поездка срывалась.

Летом 1942 года надо было заготавливать дрова на зиму. Мама заболела, и мы с женой дяди Бори пошли в делянку. Первый раз я держала в руках пилу. Как-то все-таки валили деревья, обрубали сучья, пилили бревна и складывали их....

На всю жизнь у меня остался ужас от этой тяжелой сельской работы и большое уважение к людям этого труда.

В школе я училась отлично, получила похвальную грамоту. Но опять неудача – 8, 9 и 10 классы только в Мехонке, а это 10 километров от Сладчанки. Но произошло чудо: именно в Сладчанку приезжает интернат из ленинградских детей-школьников и именно Смольницкого района Ленинграда. Мама устроилась туда воспитателем, меня и брата приняли в интернат и поставили на питание. Лето я работала уже с интернатскими на огородах, которые выделил колхоз, а зимой стала жить в Мехонке около средней школы с воспитательницей и поварихой и иногда на выходной ходила к маме с братом в Сладчанку.

После прорыва и снятия блокады так просто в Ленинград было не вернуться, нужен был вызов, а нам его дать было некому. И вот в апреле 1944 года объявляют набор девочек в Ленинград на курсы воспитателей детских садов. Учиться два месяца на курсах, жить в общежитии. Мама говорит: «Езжай хоть ты, узнай, что с нашими комнатами и обязательно иди в вечернюю школу».

лу, закончи девятый класс, а там видно будет». И вот нас набралось несколько человек, на курсах заниматься было очень интересно, вечером ходила в вечернюю школу. В продовольственной карточке был талон на водку, на рынке этот талон мы с девчонками продавали по 250 рублей, а другая еда была дешевая: треска 58 копеек килограмм. Так и перебивались.

А к осени приехали мама с братом. Нашелся мамин друг детства, который и прислал ей вызов. Спали на полу у знакомых – комнаты наши были заняты. Начинали с нуля. Мама стала опять работать в детских садах музыкальным работником, я летом работала в детском саду, а осенью уволилась и пошла в 10-й класс дневной школы. Брат тоже учился в школе.

В 1945 году я поступила в Ленинградский государственный университет имени Жданова, закончила географический факультет. Направили меня в город Кондопога (Карелия), и мне понравилась педагогическая работа: и сами уроки, и кружки, и походы, и вечера. Всегда с молодежью. Там вышла замуж за ленинградского журналиста Булушева Павла Михайловича, и мы вместе вернулись в Ленинград. Так я оказалась в числе многочисленных питерцев, которые живут в коммунальных квартирах, хоть и с окнами на Невский проспект.

Благодаря тому, что я отношусь к категории «труженик тыла», получаю прибавку 98 рублей к пенсии. В 1993 году я посыпала запрос в сельсовет села Сладчанско-го, можно ли подтвердить, что я там училась и работала. Была приятно удивлена, получив ответ от секретаря Седельниковой. Она взяла на себя труд найти двух свидетелей (может быть моих одноклассников) и приспала мне подтверждение. Спасибо им всем.

г. Санкт - Петербург